

Лу Цинлай в последние годы занимался исследованием связи между личностью и «морем сознания», расширяя границы между наукой о «море сознания» и психологией. Он считал, что процесс формирования «моря сознания» — это процесс формирования личности каждого человека, и все образы в «море сознания» указывают на различные аспекты личности Стража или Проводника. Так называемый «защитник самосознания» в «море сознания» на самом деле является воплощением личности Стража или Проводника.

— Личность, Personality. Это слово происходит от латинского «persona», что означает маску, которую актеры в Древнем Риме носили на сцене, исполняя греческие пьесы. — Лу Цинлай спросил:

— Цинь Гэ, как ты думаешь, есть ли личность у ребенка?

Цинь Гэ задумался:

— Если следовать взглядам психоаналитической школы, у ребенка есть личность. Его личность — это чистое «Я», то есть желание выживания.

Лу Цинлай пристально посмотрел на него и через мгновение улыбнулся:

— Ты не хочешь раскрывать свои мысли передо мной? Я спрашиваю, что ты думаешь. Ладно, не важно. Я считаю, что у ребенка нет личности. В этот период он проявляет только примитивные желания, это его истинное лицо. Личность — это продукт социализации и воспитания. Только когда ребенок начинает учиться социальным правилам и получать образование, он может постепенно сформировать новую личность, которая противостоит его желаниям.

Он сделал жест, словно надевая маску. Цинь Гэ не мог не признать, что Лу Цинлай действительно был харизматичен, когда читал лекции, и он понимал, почему студенты так его обожали.

— Сформированная личность — это маска, persona. Это маскировка. — Лу Цинлай указал на свою голову. — «Море сознания» Стража или Проводника не существует с рождения. Оно постепенно развивается, формируется, и с годами, под влиянием различных достижений и неудач, любви и ненависти, оно постоянно меняется.

Дыхание Цинь Гэ участилось.

— Наше «море сознания» растет вместе с развитием личности. Это еще одна внешняя форма личности. — Лу Цинлай сделал паузу. — Цинь Гэ, «море сознания» — это маска. Это маскировка, укоренившаяся в нашем мозге, которую мы никогда не сможем сбросить.

Маскировка, маска — именно так Лу Цинлай определял личность. Цинь Гэ вдруг понял, почему, когда они впервые говорили о «море сознания» Се Цзыцзина, Лу Цинлай сказал: «Некоторые люди необычны, потому что защищаются». Маленькая комната была частью личности Се Цзыцзина, его маской, которую он мог показать Цинь Гэ, потому что за маской

скрывались воспоминания, которые сам Се Цзыцзин не мог принять.

Но прав ли Лу Цинлай? Цинь Гэ снова начал сомневаться.

Лу Цинлай посмотрел на часы и с улыбкой поднялся:

— Время вышло, мне нужно идти.

Цинь Гэ тоже встал. Казалось, он что-то понял, но все еще не мог разгадать, что именно делает Лу Цинлай.

— Я отношусь к тебе как к своему ученику, и задам тебе последние вопросы. — Лу Цинлай вдруг сказал. — Ты можешь не отвечать сразу, подумай.

Цинь Гэ почтительно поклонился:

— Скажите, учитель Лу.

— Если личность формируется обществом, может ли она быть разрушена? — Лу Цинлай говорил медленно, но легко.

Цинь Гэ пристально посмотрел на него, в этот момент даже усомнившись в своем слухе.

— Второй вопрос: если личность разрушена, можно ли ее восстановить? — Улыбка Лу Цинлая становилась все шире, но это была не радостная улыбка. Цинь Гэ почувствовал напряжение, пространство вокруг внезапно наполнилось тревожной атмосферой, и эти вопросы придали их встрече зловещий оттенок.

— Последний вопрос.

Голос Лу Цинлая стал тише, и Цинь Гэ пришлось сосредоточиться, чтобы услышать.

— Что больше всего разрушает личность человека?

Едва закончив, Лу Цинлай хлопнул в ладоши и встал. Цинь Гэ очнулся, словно от сна, и заметил, что его ладони покрыты холодным потом.

— Все, — Лу Цинлай схватил пиджак со спинки стула. — Подумай, ответ интересный.

Он похлопал Цинь Гэ по плечу, и тот почувствовал внезапный холод по спине.

Попрощавшись с Лу Цинлаем, Цинь Гэ медленно направился к залу, где, как сказал Се Цзыцзин, он бродил поблизости.

Из соседнего учебного корпуса вышел высокий мужчина, спешащий куда-то, и чуть не столкнулся с Цинь Гэ. Оба извинились, и Цинь Гэ вдруг понял, что голос этого человека ему знаком. Подняв голову, он узнал Цай И.

Цай И был одет в черное и выглядел совсем не так, как раньше. В руках он держал несколько бланков, и Цинь Гэ мельком увидел, что это заявления на ментальную регуляцию.

— Ты хочешь пройти ментальную регуляцию? — Цинь Гэ удивился. — Ты в порядке? Как твой варан?

Цай И не стал злиться, только опустил глаза и сунул бланки в сумку:

— Какой варан... Это комодский варан. Мы оба в порядке.

Цинь Гэ почувствовал неладное:

— Ты хочешь, чтобы Лу Цинлай тебя регулировал?

Цай И кивнул:

— Сейчас только у него есть время. Я спрашивал у Гао Тяньюэ, ты и Цинь Шуаншуан заняты проверкой «моря сознания» для гаокао.

Это было плохо. Цинь Гэ, не раздумывая, схватил Цай И за руку:

— Не ходи к Лу Цинлаю. Я сделаю это.

Цай И замер на мгновение, словно взвешивая, и наконец медленно сказал:

— Это не очень хорошо?

— Что в этом плохого? Если ты пойдешь к другому регулятору, возможно, тебе придется снова рассказать... — Цинь Гэ запнулся, но все же продолжил. — Историю твоей матери. Твое состояние, вероятно, связано с этим. Это дело строго засекречено, и почти никто, кроме нас, кто был вовлечен, не знает о нем. Ты действительно хочешь, чтобы еще кто-то знал?

Цай И усмехнулся:

— Ты прав. Я больше не доверяю вашим принципам конфиденциальности.

Они сели на клумбу у учебного корпуса, и Цай И достал из кармана сигарету, посмотрев на Цинь Гэ. Тот покачал головой, и Цай И убрал сигарету обратно.

— Не нервничай, — Цай И, придя в себя после встречи с Цинь Гэ, снова стал заместителем генерального секретаря Кризисного бюро. — Я понял, не виню вас.

Отдел уголовного розыска в ходе расследования неоднократно обращался к Цай И за информацией о Цай Минъюэ, и иногда сообщал ему часть данных. Цай И сначала знал только, что его мать, работая в больнице, потеряла несколько детей, но понятия не имел, что те дети были убиты ею самой.

— Я чувствую, что она вдруг стала чужой, — тихо сказал Цай И. — Если бы я был одним из тех детей? Если бы я родился, и мои родители не полюбили меня, или если бы у меня были физические недостатки, и они не захотели бы меня, или, проще говоря, независимо от того, хорош я или плох, они просто не приняли бы меня. Я бы тоже умер от ее рук?

Цинь Гэ:

— Не думай об этом.

Цай И покачал головой:

— Я жил с ней бок о бок десятки лет. Это не ненависть и не страх, я просто не понимаю. Как можно так поступать?

Он подпер голову рукой и глубоко вздохнул.

— Ребенок — не собственность родителей, он самостоятельный человек. Даже родители не имеют права решать, жить ему или умереть, исходя из своих желаний. Я не понимаю, как она могла забыть этот базовый принцип. — Голос Цай И слегка дрожал. — Когда я остаюсь один, когда засыпаю, мне снится она. Я спрашиваю ее, почему она так поступила, но она никогда не отвечает. Я спрашиваю, отказалась бы она от меня, если бы я не оправдал ее ожиданий, если бы не сделал ее гордой? Я ее ребенок или ее награда? Но я так и не услышал ответа.

Каждый раз, когда Цай Минъюэ собиралась ответить, он просыпался в холодном поту.

— ...На самом деле я боюсь услышать ответ, — сказал Цай И.

Цинь Гэ не знал, как его утешить, и только повторил:

— Когда будет время, приходи в Кризисное бюро. Я помогу тебе с ментальной регуляцией.

Цай И посмотрел на него, в глазах мелькнул странный блеск:

— У тебя ведь нет партнера, верно?

Цинь Гэ:

— ?

Цай И:

— Я предлагаю тебе рассмотреть мою кандидатуру.

Цинь Гэ:

— ...

Цай И:

— Ты мне нравишься.

Цинь Гэ был в полном замешательстве:

— А?

<http://bllate.org/book/15560/1384696>